

Вопросы применения силы в решениях Международного суда ООН

Орбелян А.С.*

Вопрос применения (или, точнее, ограничения применения) силы был и остается одним из важнейших элементов международных отношений и международного права. Международному суду ООН в своих решениях¹ и в консультативных заключениях² неоднократно приходилось прибегать к толкованию и применению норм международного права относительно различных аспектов применения силы.

Несмотря на то что, согласно ст. 59 Статута Международного суда, «решение Суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу», подобные решения все же имеют большое значение. Эти решения согласно ст. 38 d Статута Суда являются вспомогательным источником права, т.е. не являются средством создания или изменения норм международного права, а только устанавливают существующее право³. По мнению ряда авторов, решения Международного суда входят в процесс нормообразования как часть международной практики в том, что касается констатации наличия норм международного права или их толкования⁴.

Дело о проливе Корфу (Великобритания против Албании)

22 октября 1946 года два британских крейсера и два эсминца проходили через часть пролива Северный Корфу, находившегося в территориальных водах Албании и считавшегося безопасным (он был

---

* Орбелян Арам Смбагович – аспирант кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ.

¹ Corfu Channel Case, Judgment of April 9th, 1949: I.C.J. Reports 1949, p. 4; United States diplomatic and consular stuff in Tehran, Judgment, I.C.J. Reports, 1980. P. 3; Military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986. P. 14; Oil platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2003. P. 161; Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda), Judgment, 2005.

² Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons (1996); Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory (2003).

³ Лукашук И.И. Международное право: особенная часть. М., 2005. С. 52.

⁴ Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2006. С. 163.

разминирован в 1944 году и повторно проверен в 1945 году). Во время прохода два корабля были сильно повреждены от взрыва подводной мины, 45 британских офицеров и моряков были убиты, а 42 получили ранения.

В этих же водах 15 мая 1946 года произошел другой инцидент: албанская батарея открыла огонь по двум британским крейсерам. Правительство Великобритании тогда заявило, что, если в будущем при прохождении британских кораблей через пролив по ним будет открыт огонь, последние откроют ответный огонь.

После взрывов 22 октября правительство Великобритании отправило в Тирану ноту, извещающую о намерении разминировать пролив Корфу. Албания ответила, что согласие на проведение разминирования не дается, если только такое разминирование не пройдет вне территориальных вод Албании, в противном случае эти действия будут считаться нарушением суверенитета Албании.

12-13 ноября 1946 года Великобритания провела операцию по разминированию в территориальных водах Албании.

Албания обратилась в Международный суд с просьбой признать действия Великобритании нарушением ее суверенитета.

Один из вопросов, поставленных перед Судом, заключался в оценке законности операции по разминированию. Необходимо было выяснить, не является ли это вмешательством во внутренние дела государства и нарушением суверенитета. Рассмотрев доказательства, Суд пришел к выводу, что среди прочего для оправдания действий Великобритании в данном случае недопустимо применение концепции самозащиты (self-protection) и самопомощи (self-help), и, таким образом, действия флота Великобритании составляют нарушение суверенитета Албании.

Суд подтвердил, что «среди независимых государств уважение территориального суверенитета является неотъемлемым основанием международных отношений. Суд признает, что полная неспособность правительства Албании нести свои обязательства после взрывов и отягивающая природа его дипломатических нот являются смягчающими обстоятельствами для действий правительства Великобритании. Но для обеспечения уважения международного права Суд обязан заявить, что действия флота Великобритании составляют нарушение суверенитета Албании»⁵.

---

⁵ Corfu Channel Case, Judgment of April 9th, 1949: I.C.J. Reports 1949, p. 4.

Ряд судей в своих несовпадающих либо особых мнениях подтвердили позицию Суда относительно вопросов применения силы.

Судья Алварез утверждает, что Устав ООН (п. 4. ст. 2)⁶ запрещает применение силы кроме случая правомерной самообороны (ст. 51)⁷. Соответственно, государство для решения споров должно обратиться не к силе, а к Совету Безопасности (в случае политического спора. – А.О.) или Международному суду ООН (в случае юридического спора. – А.О.)⁸.

Судья Крылов в своем несовпадающем мнении утверждает, что «международное право единогласно осуждает “право” на интервенцию в любой форме, в какой это предполагаемое право может быть осуществлено».

«Начиная с 1945 г., т.е. после вступления в силу Устава ООН, так называемое право на самопомощь (self-help), также известное как право необходимости (necessity, *Notrecht*), которое поддерживалось некоторыми немецкими авторами, не может быть больше применено. Его следует считать устаревшим. Применение силы таким образом или угроза применения силы, запрещено Уставом (параграф 4 ст. 2).

Согласно Уставу ООН (ст. 42), демонстрации силы, а также другие операции воздушными, морскими и сухопутными силами Членов Организации могут быть предприняты только во исполнение решения Совета Безопасности. Следовательно, Устав запрещает выполнять односторонние военные действия своим членам»⁹.

---

⁶ Согласно ст. 2 (4) Устава ООН, «все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

⁷ «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Меры, принятые Членами Организации при осуществлении этого права на самооборону, должны быть немедленно сообщены Совету Безопасности и никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности, в соответствии с настоящим Уставом, в отношении предпринятия в любое время таких действий, какие он сочтет необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

⁸ Individual opinion by Judge Alvarez // Corfu Channel Case (Merits), P. 42.

⁹ Dissenting opinion by Judge Krylov // Corfu Channel Case (Merits), P. 76-77.

Дело о дипломатическом и консульском персонале Посольства США в Тегеране (США против Ирана)

Сразу после революции в Иране 1979 года Посольство США в Тегеране стало объектом нападения фундаменталистов (4 ноября 1979 г.), чьи действия были в дальнейшем одобрены официальными властями. Лица, находившиеся в посольстве, были захвачены в качестве заложников. США обратились к СБ ООН с просьбой предпринять меры для освобождения заложников, а также предприняли некоторые контрмеры. Когда последние не дали результата, США передали дело в Международный суд ООН. США обвиняли Иран в нарушении своих обязательств по дипломатическому и консульскому праву.

24–25 апреля 1980 года США, ссылаясь на свое право на самооборону, провели вооруженную операцию по спасению заложников, одновременно представитель США в ООН доложил в Совет Безопасности о предпринятых мерах согласно требованиям ст. 51 Устава ООН. Суд в своем решении обратился к операции США по освобождению заложников (пп. 93–94 решения). Суд, выражая сожаление по поводу поведения США, однако, постановил, что вопросы правомерности действий США не являются предметом рассматриваемого судом спора и в любом случае действия США не имеют никакого отношения к оценке законности действий Ирана¹⁰.

Дело о военных и полувоенных действиях на территории Никарагуа и против государства (Никарагуа против США)¹¹

Обстоятельства дела относятся к событиям, произошедшим в Никарагуа после падения правительства А. Самосы в июле 1979 года

---

¹⁰ В своем несовпадающем мнении судья Морозов напомнил, что «статья 51 Устава ООН, устанавливая право на самооборону, может быть применена только, если имело место вооруженное нападение на Члена ООН». По мнению судьи Морозова, документы, предоставленные суду, не свидетельствуют о наличии вооруженного нападения, соответственно США не имели права применять вооруженную силу в данной ситуации, и вопрос должен был быть решен исключительно мирными средствами (*Dissenting opinion of judge Morozov, United States diplomatic and consular stuff in Tehran, Judgment, I.C.J. Reports, 1980. P. 57–58*).

¹¹ Это дело примечательно тем, что из-за оговорки США относительно многосторонних договоров при принятии обязательной юрисдикции Международного суда ООН Суд определил, что применимым правом является обычное международное право и двусторонний договор о дружбе, торговле и навигации 1956 года (пп. 172. P. 182 решения Суда).

и действий США в этой стране с того времени. В начале 1984 года США прибегли к минированию портов Никарагуа и массовым нарушениям воздушного пространства страны американскими самолетами. Также США предоставляли финансовую и военную помощь иррегулярным антиправительственным группировкам (известным как «контрас»).

9 апреля 1984 года Никарагуа подала иск в Международный суд, указывая, что своими действиями США кроме прочего нарушали свои обязательства в области международного права воздерживаться от применения силы и угрозы силой.

После того как суд признал свою юрисдикцию на рассмотрение этого дела, США отказались участвовать в процессе. Однако, несмотря на отказ США участвовать в разбирательстве, Суд продолжил рассмотрение дела без представителя США.

В решении дела Никарагуа против США Суд исследовал практику государств и постановил, что норма, содержащаяся в ст. 2 (4) Устава ООН, является «фундаментальным и важнейшим принципом международного права». Более того, Суд установил, что нормы Устава ООН, касающиеся запрещения применения силы, являются примером нормы *jus cogens*¹².

Суд заметил, что необходимо отличать самые серьезные формы применения силы (те, что составляют вооруженное нападение) от остальных, менее серьезных форм нарушения обязательства не применять силу. Что касается менее серьезных форм применения силы, то в качестве таковых Суд назвал часть действий из Декларации о принципах международного права¹³.

---

¹² Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua. P. 90. Суд также ссылаясь на работу Комиссии по Международному праву, которая в ходе своей работы над кодификацией права международных договоров выразила мнение, что «нормы Устава ООН относительно запрета применению силы представляют собой явный пример норм *jus cogens*» (paragraph (1) of the commentary of the Commission to Article 50 of its draft Articles on the Law of Treaties, ILC Yearbook, 1966-II. P. 247).

¹³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом ООН, утвержденная резолюцией 2625 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 24 октября 1970 года.

Суд, в частности, в качестве менее серьезных нарушений приводит положение декларации, согласно которому «каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения существующих международных границ другого государства или в качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных споров и вопросов, касающихся государственных границ.

Суд также подтверждает, что общее правило о запрете применения силы допускает ряд исключений. Относительно дела Никарагуа против США значение имеет право на самооборону¹⁴, точнее, право на коллективную самооборону (Суд не уточняет, какие еще существуют правомерные исключения из общего правила). В качестве параметров, определяющих законность самообороны, Суд выделил наличие вооруженного нападения, необходимость (*necessity*) и соразмерность (*proportionality*)¹⁵.

Позиция Суда сводится к тому, что не любое нарушение обязательства не применять силу является вооруженным нападением и соответственно дает право прибегнуть к правомерной самообороне. В некоторых случаях (так называемых «не очень серьезных нарушений», описанных выше) не допускается прибегать к самообороне с применением силы, а разрешено лишь обращение к другим механизмам, в частности к Совету Безопасности и мирным средствам разрешения споров.

Для того чтобы коллективная самооборона считалась законной, в первую очередь необходимо ее соответствие всем критериям, применяемым для определения правомерности индивидуальной самообороны: наличие вооруженного нападения, необходимость и соразмерность. Помимо этого, необходимо также наличие согласия на оказание (получение) помощи государства, ставшего жертвой вооруженного нападения¹⁶. Суд решил, что не существует нормы обычного права,

---

Государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы.

Каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишающих народы, о которых говорится в конкретизации принципов равноправия и самоопределения, их права на самоопределение, свободу и независимость.

Каждое государство обязано воздерживаться от организации или поощрения организации иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников, для вторжения на территорию другого государства.

Каждое государство обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах собственной территории, направленной на совершение таких актов, в том случае, когда акты, упоминаемые в настоящем абзаце, связаны с угрозой силой или ее применением».

¹⁴ Суд, исходя из обстоятельств дела, рассматривал только вопросы, связанные с самообороной в ответ на уже совершенное нападение. Он не дал оценку применения силы в случае неминуемой опасности вооруженного нападения (*immanent threat of armed attack*).

¹⁵ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua*, para. 194. P. 103

¹⁶ Суд, рассмотрев Устав ОАГ (ст. 27) и Межамериканский Договор о взаимной помощи (п. 1, ст. 3), подписанный в Рио-де-Жанейро 2 сентября 1947 г., приходит к выводу, что

общего или регионального характера, которая разрешила бы осуществление коллективной самообороны в случае отсутствия согласия государства, которое считает себя жертвой вооруженного нападения.

Суд полагает, что под **вооруженным нападением** (выделено автором – А.О.) должны пониматься не только действия регулярных вооруженных сил, совершенные через международно признанную границу, но также «засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства»¹⁷, носящие столь серьезный характер, что это равносильно вооруженному нападению, совершенному регулярными войсками, «или значительное участие в них», как это определено в п. г. ст. 3 определения агрессии¹⁸. Однако Суд не считает, что понятие «вооруженное нападение» должно включать помощь повстанцам в форме снабжения оружием или оказания логистической или иной помощи. Такая помощь должна считаться угрозой применения силы, или применением силы, или являться вмешательством во внутренние или внешние дела, не составляющим вооруженного нападения (*short of armed attack*)¹⁹.

Суд всесторонне рассмотрел дело и указал, что США нарушили свои обязательства в части прямого участия в минировании портов Никарагуа, однако США не могут нести ответственность за деятельность «контрас», так как не осуществляли *эффективный контроль* над их деятельностью (курсив автора. – А.О.).

Дело о нефтяных платформах (Иран против США)

Факты дела относятся к некоторым инцидентам конца ирано-иракской войны. Ряд торговых судов под американскими флагами пострадали от выпущенных с берега ракет. Кроме того, военный корабль США

предварительное согласие на помощь отсутствует, так как Договор Рио-де-Жанейро предполагает, что меры, предпринятые каждым государством, должны определяться по требованию государства или государств, которые стали жертвами нападения. (Подобное согласие содержится, например, в ст. 5 Вашингтонского Договора, в ст. 4 Договора о Коллективной Безопасности и в ряде других договоров или также может быть выражено односторонним актом государства, ставшего жертвой вооруженного нападения).

¹⁷ Определение агрессии, утвержденное резолюцией ГА 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986, para. 195. P. 93.

«Сэмюель Б. Робертс» и несколько торговых судов пострадали от установленных на транспортных путях мин. В обоих случаях США, ссылаясь на свое право на самооборону, провели операцию по уничтожению нескольких морских платформ Ирана, а также (во втором случае) против ряда военных кораблей и летательных аппаратов Ирана. В обоих случаях США доложили Совету Безопасности ООН о своих действиях во исполнение требования ст. 51 Устава ООН.

При рассмотрении дела о нефтяных платформах²⁰ Суд снова обратился к вопросу о законности самообороны. Чтобы установить, что при нападении на нефтяные платформы США действовали законно в рамках своего права на индивидуальную самооборону, Соединенным Штатам необходимо показать, что в отношении них имели место нападения со стороны Ирана; а также что эти нападения были такого характера, чтобы их можно было бы квалифицировать в качестве «вооруженного нападения» по смыслу ст. 51 Устава ООН и как оно понимается в обычном праве о применении силы.

Ссылаясь на дело Никарагуа против США, Суд еще раз подтвердил свою позицию относительно необходимости различать «самые серьезные формы применения силы (которые составляют вооруженное нападение) от других, менее серьезных форм», так как «в случае индивидуальной самообороны осуществить право может государство, ставшее жертвой вооруженного нападения». США также должны показать, что их действия были необходимыми и соразмерными, а также что платформы являлись законной военной целью²¹ во время осуществления права на самооборону²².

---

²⁰ Факты дела относятся к некоторым инцидентам конца ирано-иракской войны. Ряд торговых судов под американскими флагами пострадали от выпущенных с берега ракет. Военный корабль США «Сэмюель Б. Робертс» и несколько торговых судов пострадали от установленных на транспортных путях мин. В обоих случаях США, ссылаясь на свое право на самооборону, провели операцию по уничтожению нескольких морских платформ Ирана, а также (во втором случае) против нескольких военных кораблей и летательных аппаратов Ирана. В обоих случаях США доложили Совету Безопасности ООН о своих действиях во исполнение требования ст. 51 Устава ООН.

²¹ По мнению автора, последнее требование (относительно законной военной цели) необходимо рассмотреть именно в свете необходимости и соразмерности в соответствии с *jus ad bellum*. Законность действий с точки зрения МГП не должна влиять на оценку законности права на применение силы (принцип разделения *jus ad bellum* и *jus in bello*).

²² *Oil platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*, Judgment, I.C.J. Reports 2003. P. 29-30, para. 51.

Относительно понятия «**вооруженное нападение**» (выделено автором. – А.О.), Суд «не исключает возможность, что минирование, от которого пострадал один военный корабль, может быть достаточным, чтобы приводить в действие «неотъемлемое право на самооборону»²³. Таким образом, даже единичное нападение, по мнению Суда, может стать основанием применения права на самооборону.

Суд пришел к выводу, что США не в достаточной степени доказали, что названные акты могут быть присвоены Ирану, и на этом основании постановил, что США не имели права воспользоваться правом на самооборону²⁴ и их действия составляют нарушение обязательства не применять силу.

Вооруженные действия на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды)

Обстоятельства дела относятся к событиям в регионе Африканских Великих озер конца 1990-х годов. После прихода к власти в Демократической Республике Конго (ДРК) в мае 1997 года Уганде и Руанде были предоставлены значительные преимущества на территории ДРК в экономической и военной сферах. В частности, президент Кабаля (Kabalia) не возражал против присутствия вооруженных сил Уганды в приграничных районах для борьбы с антиугандийскими вооруженными группами и для обеспечения безопасности приграничных районов, так как вооруженные силы ДРК не справлялись с этими задачами. Уже 27 июля 1998 года президент, желая уменьшить иностранное влияние на территории ДРК, в своем официальном заявлении потребовал вывода войск Руанды, что должно было бы привести к концу присутствия всех вооруженных сил в ДРК. Вооруженные силы Уганды не покинули приграничный район, ссылаясь на то, что заявление относится только к войскам Руанды. На встрече глав государств на водопаде Виктория, состоявшейся 7 и 8 августа 1998 года, президент ДРК обвинил Руанду и Уганду в оккупации национальной территории.

По мнению Уганды, ДРК создал новый союз с Чадом, Суданом и несколькими антиугандийскими вооруженными группировками с целью нападения на Уганду. Соответственно, 11 сентября Уганда приняла

---

²³ Oil platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2003. P. 38, para. 72.

²⁴ Также Суд заметил, что в некоторых эпизодах действия США не были необходимыми и соразмерными.

решение о наращивании вооруженного контингента в восточной части Конго, а также о получении контроля над стратегическими аэродромами и речными портами в северной и восточной областях (операция «Безопасная гавань»). В дальнейшем в рамках урегулирования конфликтов в регионе Великих озер на основе Лусакского соглашения о перемирии, Кампалского и Харарского планов по отводу вооруженных сил (Kampala and Harare Disengagement Plans) и двустороннего соглашения, подписанного 6 сентября 2002 года в Луанде, Уганда вывела свои войска из ДРК за исключением небольшой группы, дислоцированной на склоне г. Равензори (Ruwenzori) с явно выраженного согласия ДРК.

Рассматривая обстоятельства данного дела, Суд заметил, что ДРК не утверждала, что операция «Безопасная гавань» является предупреждающей самообороной (*anticipatory self-defense*), и, соответственно, Суд не рассматривал вопрос о самообороне в случае неизбежной опасности вооруженного нападения.

Уганда также не сообщила Совету Безопасности ООН в августе и в начале сентября 1998 года о том, что она предпринимает какие-либо действия в силу своего права на самооборону, как того требует ст. 51 Устава ООН. Более того, Уганда ни разу не заявляла, что она стала объектом вооруженного нападения со стороны ДРК. «Вооруженные нападения», на которые ссылается Уганда, были проведены объединенными демократическими силами (ADF – *Allied Democratic Forces*), т.е. угандийскими антиправительственными вооруженными группами. Однако прямое или косвенное участие ДРК в этих нападениях Суд не считает доказанным, что дает основание полагать, что речь не идет об агрессии в смысле ст. 3(g)²⁵ резолюции ГА 3314 (XXIX) об определении агрессии, принятой 14 декабря 1974 года²⁶.

Соответственно, Суд не счел необходимым ответить на вопросы, разрешает ли современное международное право прибегнуть к самообороне в случае широкомасштабного нападения нерегулярных вооруженных групп и какие условия должны быть соблюдены при этом.

Суд, изучив обстоятельства дела, установил, что, даже если бы целью Уганды было бы не свержение президента Кабалиа, а завладение

²⁵ g) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам или его значительному участию в них.

²⁶ *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*, Judgment, 2005. P. 44-57, para. 106-166.

городами и аэропортами для обеспечения собственной безопасности и для помощи в аналогичных действиях тем, кто был вовлечен в гражданскую войну, то в любом случае Уганда нарушила бы свои обязательства, вытекающие из принципов неприменения силы и невмешательства.

Исходя из того, что Уганда не смогла доказать большинство фактов, на которые ссылалась (в частности, создание ДРК иррегулярных антиугандийских вооруженных формирований и последующий контроль над ними), Суд решил, что Уганда не действовала во исполнение своего права на самооборону и нарушила свои обязательства по Уставу ООН не применять силу и не угрожать применением силы.

Суд также подтвердил свою позицию в своих двух **консультативных заключениях**²⁷, в частности указав, что п. 4 ст. 2 Устава ООН устанавливает запрет на применение силы и что «закрепленные в Уставе принципы относительно применения силы отражают обычное международное право»²⁸. Однако это запрещение на применение силы следует рассматривать в свете других соответствующих положений Устава²⁹.

Суд подтвердил также, что ст. 51 признает существование неотъемлемого права на самооборону в случае вооруженного нападения *одного государства на другое* (курсив автора. – А.О.)³⁰.

---

²⁷ В одном случае ГА ООН запросила Международный суд дать заключение по поводу правомерности применения ядерного оружия, на что Суд решил, что полного запрета на такое применение в современном международном праве не существует (хотя и такое потенциальное применение должно происходить с учетом требований международного гуманитарного права и в рамках законного применения вооруженных сил (в качестве самообороны) (Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons (1996)). Во втором деле ГА запросила мнение суда по поводу правовых последствий строительства Израилем стены на оккупированных палестинских территориях, в том числе и в Иерусалиме и вокруг него с учетом международного права, и в частности Четвертой Женевской конвенции 1949 г., и резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. Суд, рассмотрев дело, пришел к выводу, что «строительство стены, сооружаемой Израилем, оккупирующей державой, на оккупированной палестинской территории, в том числе в Восточном Иерусалиме и вокруг него, и введение связанного режима противоречат международному праву (Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory (2003)).

²⁸ Legality of the threat or use of nuclear weapons, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996, p. 226 (para. 37-50), Legal consequences of the construction of a wall in the occupied Palestinian territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004. P. 136 (para. 87-88)

²⁹ Речь идет о ст. 51, признающей неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону, и ст. 42, согласно которой Совет Безопасности ООН может принимать принудительные меры военного характера в соответствии с главой VII Устава.

³⁰ Legal consequences of the construction of a wall in the occupied Palestinian territory. P. 194, para 138.

Таким образом, можно резюмировать, что позиция Суда относительно вопросов применения силы (или, точнее, запрета на применение силы) и правомерности самообороны за все время его деятельности остается неизменной³¹ и заключается в следующем.

Согласно Уставу ООН (ст. 2.4), у государств есть обязательство воздержаться от применения силы или ее угрозы. Более того, данное обязательство является примером нормы *jus cogens*. Силу правомерно можно применять в случае индивидуальной и коллективной самообороны, что также закреплено в Уставе (ст. 51 Устава ООН). Данное право существовало до принятия Устава ООН, однако Устав ограничил его (исключив считавшиеся законными до принятия Устава права на самозащиту и самопомощь с применением вооруженной силы³²). Критериями правомерности индивидуальной самообороны являются наличие вооруженного нападения, соразмерность и необходимость.

Таким образом, согласно позиции Суда, обязательным критерием правомерности является наличие вооруженного нападения *одного государства на другое* (исходя из того, что, согласно п. 1 ст. 34 Статута Международного суда, «только государства могут быть сторонами по делам, разбираемым Судом»), отсутствует практика Суда об ответственности международных организаций за применение силы). Суд полагает, что единичные акты минирования судоходных путей, в результате которого пострадали гражданские и военные суда другого государства, можно считать вооруженным нападением, а оказание ограниченной логистической или финансовой помощи антиправительственным вооруженным силам должно считаться угрозой применения силы, или применением силы, или является вмешательством во внутренние или внешние дела, не составляющим вооруженного нападения (*short of armed attack*). Таким образом, вооруженное нападение является лишь одним из (но в то же время самым серьезным) возможных нарушений обязательства не применять силу или угрозу силой. В случае всех остальных, «менее серьезных» нарушений применение самообороны не является правомерным (в этих случаях необходимо прибе-

---

³¹ В том числе и в делах и консультативных заключениях, решения по которым были приняты уже после террористических нападений 11 сентября 2001 года и начала военных операций США в Афганистане и Ираке.

³² Таким образом, можно констатировать, что соответствующие нормы Устава являются результатом не кодификации, а прогрессивного развития и авторы Устава ограничили правомерные основания и случаи применения самообороны.

гать к различным механизмам мирного решения споров или обращаться в Совет Безопасности).

Суд считает, что для правомерности коллективной самообороны, кроме наличия вышеуказанных критериев, необходимо также согласие государства – жертвы нападения на оказание ему помощи.

Суд ни в одном из своих решений не обратился к вопросу о правомерности самообороны в случае неминуемой опасности вооруженного нападения (*immanent threat of armed attack*) и в случае широкомасштабного нападения нерегулярных вооруженных групп, и не определил, какие условия должны быть соблюдены при этих случаях.

Надо заметить также, что относительно интересующих нас вопросов стороны не оспаривали правовую аргументацию Суда, и спор шел именно относительно установления и интерпретации фактов, что в свою очередь усиливает роль указанных выше решений.

Вышеприведенная конструкция безупречна при условии, что система коллективной безопасности (в частности, Совет Безопасности ООН) функционирует идеально. Однако в случае недостаточно эффективной работы Совета Безопасности в условиях возможности попадания оружия массового уничтожения или технологий для его изготовления под контроль террористических групп государства должны иметь право гарантировать свое существование и безопасность, включая возможность прибегнуть и к применению силы в борьбе с террористическими организациями, в том числе и вне пределов своей суверенной территории. Однако отсутствие согласия у международного сообщества относительно определения терроризма, понятия «вооруженное нападение», споры вокруг различных концепций превентивных ударов, перехватывающих ударов, а также в некоторых случаях желание некоторых государств строить собственную безопасность за счет безопасности других государств, неограниченная возможность прибегнуть к силе для борьбы с террористами не будут способствовать достижению мира, всеобщей и равной безопасности и других целей ООН.

Возможным решением вопроса могло бы стать прогрессивное развитие института самообороны, т.е. допущение возможности прибегнуть к самообороне не только против государств, но также и против негосударственных акторов, в том числе и на территории другого государства (в данном случае необходима выработка четких критериев правомерности такого применения вооруженной силы), что должно стать предметом отдельного исследования.

Aspects of the Use of Force in Decisions of the International Court of Justice (Summary)

Aram S. Orbelyan*

In the present article we analyse the practice of the International Court of Justice (ICJ) in order to find out the position of the Court on existing norms of international law governing the use of force and the legality of self-defence.

The ICJ has ruled on the Legality of Use of Force (and the Legality of Self-Defence) in five of its judgments on Contentious Cases and two advisory opinions.

According to ICJ's proceedings, the precondition for action in self-defence is an armed attack of one state against the other state. In view of the Court, whether the response to an armed attack is lawful, depends on the observance of the criteria of the necessity and the proportionality of the measures taken in self-defence. The Court does not believe that the concept of "armed attack" includes assistance to rebels in the form of the provision of weapons or logistical or other support.

Furthermore, the exercise of collective self-defence is not legal in the absence of a request by the State which is a victim of the alleged attack. The Court has not ruled on the issue of the legality to exercise self-defence in case of the immanent threat of an armed attack or in case of a massive attack of irregular forces.

The provisions mentioned above are sufficient, given that the UN Security Council is taking due actions in due time. However, while the efficiency of the Security Council is questionable and the proliferation of the WMD remains a threat, the security and even the very existence of a state should be ensured through other means, extending to the possibility to use force against terrorist groups beyond the state's territorial borders. At the same time, an unlimited possibility to use force for combating terrorism may contradict the purposes and principles of the United Nations Charter.

Progressive development of international law in relations to the use of force may resolve the matter in the future.

---

* Aram S. Orbelyan – post-graduate student of the Chair of International law, MGIMO-University MFA Russia.